

Статья в газете "Аргументы и факты" о ветеране Великой Отечественной войны Шкиле Владимире Кирилловиче

Заслуженный художник Владимир Шкиль о фронтовом прошлом и соседстве с Брежневым

Фото предоставлено СУ СКР по Алтайскому краю

Автор: Светлана ЛЫРЧИКОВА

Опубликовано 08 мая 13 (12:04) «Аргументы и факты Алтай»

Этого человека можно слушать часами. Все его полных 92 года – сгусток исторических и культурных событий, памятных встреч, творчества. Но ко времени он относится бережно, деля его между мастерской, написанием рассказов, встречами с молодежью и участием в работе Общественного совета регионального следственного управления СКР.

Владимир ШКИЛЬ, ветеран Великой Отечественной войны и заслуженный художник России в свои заслуженные годы хочет еще многое успеть.

Колхозные первопроходцы

- Владимир Кириллович, у вас не слишком «привычная» фамилия, откуда ваш род?

- Фамилия на самом деле достаточно распространенная. Не буду уж говорить о далеких странах, в «окрестностях» однофамильцы у меня есть в Барнауле, Немецком национальном районе, Родинском, Славгороде, Горно-Алтайске... Сам я родился в 1921 году в селе Корчино ныне Мамонтовского района, а незнакомые мне мои предки были переселенцами, по отцовской линии - не то из Полтавы, не то из Чернигова. - Что из ранних детских лет у вас сохранилось в памяти? - О, я даже помню отца в форме времен Гражданской войны! Он у меня тогда воевал, попал в плен, был освобожден, когда Красная Армия взяла Новониколаевск (с 1926 г. - Новосибирск, - прим.ред.). Хорошо помню, как в пяти - шестилетнем возрасте цепом зерно молотил, и как потом плечи «отваливались». Коня доброго помню, которого цыган из соседнего табора привел отцу вместо нашей чахлой кобылы. Он огромный был, копыта почти по ведру, по три брички по пескам вытягивал – тогда из Корчино в Камень хлеб так возили. Однажды там отец увидел молотилку и сагитировал четверых соседских хозяев купить ее вскладчину. Так образовалось артель. И не безуспешная, потому что через год, в 1929-м, ему предложили создать в селе первый колхоз, «Спартак» назвали. Тогда-то я уже большой был...

- Колхозное «строительство», наверное, с трудом давалось?

- В тридцатом году в Корчино было организовано еще пять колхозов, потом их, правда, укрупнили до двух. Отец потом, окончив курсы ветеринаров, работал и в том, и в другом. Не было у нас такого, чтобы сельчане с вилами от коллективного хозяйства отбивались. Но у нас и домашнюю скотину всю не «обобществляли», своя корова-кормилица была почти во всех дворах. Но кто не хотел в колхозы, тот не хотел. Дед Наум, отцов отец, предпочел уехать в Алейск. Один его родной брат, Афанасий, перебрался в Талды - Курган; другой, Ананий, в Ош. Но они все были вроде...единоличных промышленников. У кого была паровая мельница, у кого ветряная, у кого комбайн, на котором делали кизяки и саман. А вот мамин отец, Дмитрий Иванович Ильенко, в своей Ермачихе первым в колхоз записался, чтобы односельчанам пример подать. Он был очень уважаемым человеком и самым просвященным. Учился какое-то время в духовной семинарии, потом окончил медицинский и юридический факультеты. Но зарабатывать он не тем и не другим, а гончарным ремеслом, для души еще изготавливая гитары, мандолины и даже скрипки. Он меня и считать научил, и писать – да чище писаря в конторе! От голода в Казахстан

- То есть в школе вы были самым успешным учеником?

- В первый класс я попал в 10-летнем возрасте, вместе с семилетним братом и сестренкой 5 лет (смеется). Учитель Петр Трофимович Гавриленко ПРО прописи объясняет, а я сижу, портрет Ленина с картинки перерисовываю! Он понял, что с «малышней» мне делать нечего, и перевел во второй класс. А к концу года я уже из третьего «выпускался»! Но семилетку я закончил с перерывом...

- А что так?

- ...Первые годы в колхозе был неурожай, и, стало быть, голод. У нас в семье трое младших ребятишек - Алеша, Коля и сестренка Саня умерли (всего мама родила 9 детей, в раннем возрасте похоронили еще Катю, которая «обварилась» из самовара). Потом хлеб уродился, трудодни даже «отоварили», да другая беда случилась. На свиноферме во время маминой смены случился пожар, ей начислили 3 тысячи рублей выплаты ущерба. Завфермой обещал половину погасить, но слово не сдержал, родителям пришлось продать, все, что было можно - до зерна по трудодням и последней коровы. Мы с отцом подвизались в Алейске на разовых работах, но это были крохи. Когда началась вербовка в Казахстан, на строительство железнодорожной станции Защита, мы решили всей семьей ехать, и еще пара отцовых товарищей собралась. Как мы добирались и устраивались – отдельная длинная история. На строительство родителей не взяли в силу истощенности. Пожалел нас председатель колхоза, который назывался «3-й решающий», звали его Александр Иванович, по национальности он был австриец. Но прежде, чем принять нас, он нам дал неделю на «оздоровление»: мы отъедались колхозным угощением, купались в речушке с прозрачной холодной водой и загорали на теплом мелком песочке. Это было в 1936 году. Отставить бронь! В разведку!

- Владимир Кириллович, если у вас еще в детстве была тяга к рисованию, то почему после окончания семилетки вы оказались в Новосибирском физкультурном техникуме?

- А я про другие варианты не знал! Увидел в одной газете единственное объявление о наборе, перепоясался и поехал! На месте оказалось, что техникум с военным уклоном, т.е. через 3 года его выпускникам присваивалось звание (в зависимости от результатов) и их направляли в части, заниматься с солдатами физподготовкой. Но в 1940 году, когда я был на 2 курсе, бронь со всех учащихся техникума сняли, призвав в армию. 13 суток в «телячьих» вагонах везли на Дальний Восток, по прибытии с товарищами мы попали в конно-кавалерийскую разведку.

- То есть, подготовка к войне уже чувствовалась?

- Нас сразу готовили серьезно. Одна только конная часть чего стоила! Там же почти каскадерские трюки. Когда капитан, командир дивизиона нас «муштровал» - со всех окрестностей, включая пограничников, сбегались смотреть и удивляться, как так можно в седле крутиться, на стременах вниз головой висеть, да еще и стрелять... Жаль, после одних учебных маневров 21 апреля 1941 года мы этого командира потеряли... С утра день был прекрасный, потом погода изменилась кардинально, все промокли до нитки и замерзли до

костей. К вечеру влетели в одно село как бандиты - на полном скаку: под крыши бы быстрей, хоть чуть согреться. Я через силу скрюченными руками коня обтер, с себя одежду стащил, отжал, как мог; потом только притулился – как-то полусидя - у теплеющего бока печи и крепко заснул. Разбудил утром меня старшина и сразу стопку водки протягивает, я аж опешил. А он говорит: выпей, Коля Баранов умер. Коля мой товарищ был по техникуму. Он еще днем после короткого привала на коня сам сесть не мог, так его холодом свело. А как в дом-то попал, так в сырье на лавку повалился, задремал...и все. Оказалось, от переохлаждения умерли еще два бойца. Это же ЧП! Капитана вызвали на «разбор полетов», и больше мы его не увидели. Письмо Сталину

- А где вас застало известие о начале войны? - Если буквально – по дороге в столовую под уличным громкоговорителем выслушали речь Молотова. Строем тронулись дальше, старшина по привычке командует: «Запевай!», а в ответ-тишина...Но мы все там же были – на Дальнем Востоке. И дальше там - Уссурийская область, Приморский край. Как до изнеможения рыли окопы и строили оборонительные сооружения – малоинтересно. Как воевал - что тут рассказывать? В бой идти – не сено косить. Командовал взводом, службой разведки, обучал молодых разведчиков. А демобилизовался, когда уже и Япония сдалась, уже после участия в Параде Победы в Харбине 16 сентября 1945 года. Отца моего, он связистом прошел вторую для себя войну, еще дальше «занесло» - в Иран. Но мы с ним хотя бы не погибали в буквальном смысле, а вот мой родной брат Михаил за два года на фронте трижды горел в танке и незадолго до победы получил ранение... Но честно сказать, мне хотелось сразу после 9 мая демобилизоваться. За войну у меня такое желание вызрело попасть в художественное училище, что я даже письмо Сталину написал. И вот приезжает однажды в часть генерал Батраков, Матвей Степанович, Герой Советского Союза, и извещает, что мое письмо из «ставки» вернулось с резолюцией «на усмотрение непосредственного командования». А оно сочло, что от меня пока на службе будет больше пользы, вот и пришлось задержаться (смеется). По-соседски, у Брежнева

- И когда же вы достигли желаемого?

- Это что считать желаемым...Алма-Атинское театрально-художественное училище имени Н.В.Гоголя я окончил в 1954 г., два года до поступления в него проработав в школе учителем рисования и черчения. Но и во время учебы я преподавал в русской и казахской школах. У меня уже жена была, дочери – содержать нужно было. Из-за семьи я не воспользовался направлением в Ленинградскую художественную академию, а принял приглашение работать в производственно-творческом объединении художников Казахстана, специализацией которого были портреты членов Политбюро. Так как я был фронтовик-«медаленосец» и активный коммунист, вскоре меня избрали его председателем. Должность эта была опасной- были прецеденты, когда мои предшественники отправлялись в тюрьму, потому что вопросы приобретения холста, красок и т.д. им удавалось решать весьма... сложными путями. А я в Алма-Ате жил почти по соседству с Леонидом Брежневым, бывшим тогда первым секретарём ЦК компартии республики, и решил спросить у него про плановое снабжение ПТО. Он мне

посоветовал обратиться к Кунаеву, возглавлявшему в то время Совет Министров Казахской ССР, и объединение получило возможность заказывать то, что нужно, напрямую там, где нужно. Но эта работа меня тяготила, ни времени, ни простора для творчества не было, уволился, переехал в Усть-Каменогорск, где впоследствии и состоялась моя персональная выставка. Второе дыхание

- А когда и почему вы приняли решение перебраться в Барнаул?

- У моей супруги, которой, увы, уже нет, была астма. Врачи порекомендовали ей сменить климат, поэтому в 1973 году мы и переехали в Барнаул. К этому времени я уже несколько лет как не писал: после того, как при пожаре сгорели почти 400 моих работ, у меня руки опустились. Занимался оформительством, работал в технике маркетри. А вскоре после переезда в Барнаул привезли московскую выставку, и после ее посещения у меня будто второе дыхание открылось.

- Владимир Кириллович, для груза прожитых лет вы на редкость бодры и энергичны. Поделитесь «рецептом»!

- Последняя моя кровная сестра умерла меньше месяца назад. Но у меня есть дочери, внуки, правнук, правнучка! Должен же за ними старший присматривать, хоть и на расстоянии? (смеется). Вот недавно по Интернету отыскались потомки деда Афанасия, того самого, что уехал в Талды-Курган: тоже интересно. А вообще я просто люблю жизнь, хотя кое-что в нынешнем мироустройстве меня не устраивает. Я еще хочу писать - и полотна, и рассказы. А когда стремишься и движешься – немошь не нападает.

13 Мая 2013

Адрес страницы: <https://altai-krai.sledcom.ru/folder/878520/item/878535>